

Шармейн
Уилкерсон

ЧЕРНЫЙ ТОРТ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Моим родителям. Всем четверым

ПРОЛОГ

ТОГДА

1965 год

Ему следовало знать, что этим все кончится. Мог бы догадаться в тот день, когда его черномазая жена сбежала из дому. Или когда увидел, как дочь плавает в бухте во время шторма. Да что там, раньше надо было переживать — когда родители притащили его на этот остров и поменяли свои имена!.. Сейчас он стоял у кромки воды, глядя, как волны, обрушиваясь на скалы, превращаются в белую пену. Ему остается только ждать, когда море вынесет на берег тело дочери.

Его поманила к себе офицер полиции. Прежде ему никогда не встречались женщины-полицейские. Она держала в руке ворох белой ткани — свадебное платье, испачканное черным бисквитом и сиреневой сахарной глазурью. Вероятно, дочь, выскакивая из-за стола, уронила на колени кусок торта. Вспомнился этот момент: звяканье тарелок, звон разбившегося о плиточный пол стекла, чьи-то крики. Он тогда посмотрел в сторону дочери, но она уже исчезла, и лишь на лужайке у дома, как опрокинувшиеся крошечные лодки, остались лежать атласные туфельки.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

СЕЙЧАС

2018 год

Она здесь.

Байрон слышит, как открывается дверь лифта. Его первое побуждение — броситься к сестре и обнять ее. Но когда Бенни делает к нему шаг, Байрон отталкивает ее и, повернувшись, стучит в дверь кабинета адвоката. Почувствовав, как Бенни прикасается к его плечу, он стряхивает ее руку. Сестра застывает с открытым ртом. Молчит. Да и есть ли у нее право вообще что-то говорить? Байрон восемь лет не видел Бенни. А теперь вот мама ушла навсегда...

Спрашивается, чего ожидала Бенни? У нее был конфликт с семьей, переросший в холодную войну. Все эти разговоры о социальном отторжении, дискриминации и тому подобном не имеют значения. Байрон считает, что, с какими бы проблемами ни сталкивался человек в этом мире, он найдет у кого-то понимание. Тем более времена меняются. Недавно он даже прочел очерк о людях вроде Бенни.

Люди вроде Бенни.

В очерке говорится, что зачастую их удел — одиночество. Но она не дожидется от Байрона со-

чувствия, нет. От такой роскоши Бенедетта Беннет отказалась несколько лет назад, отвернувшись от семьи, пусть она и утверждает, что все было как раз наоборот. На сей раз она, по крайней мере, явилась на похороны. Шесть лет назад в округе Лос-Анджелес Байрон с матерью сидели в церкви у гроба отца, напрасно ожидая Бенни. Позже Байрону показалось, что он видит сестру на заднем сиденье автомобиля, ехавшего через кладбище. С минуты на минуту она будет здесь, подумал он. Но Бенни так и не пришла. Он лишь получил от нее эсэмэску со словами: «Мои соболезнования». Потом молчание. Оно растянулось на месяцы. На годы.

И с каждым прошедшим годом слабела его уверенность в том, что в день похорон отца Бенни находилась где-то рядом и что у него вообще была сестра.

Что у него была круглолицая маленькая сестра с кудряшками, которая всюду ходила за ним по пятам.

Что она когда-то поддерживала его на общенациональных спортивных соревнованиях.

Что, взяв в руки свой докторский диплом, он услышал, как по конференц-залу проплыл ее голос.

Что прежде он хоть раз чувствовал себя таким. Осиротевшим и подавленным.

Бенни

Адвокат матери открывает дверь, и взгляд Бенни скользит мимо него, как будто она ожидает увидеть сидящую в кабинете мать. Но, кроме адвоката,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

здесь лишь Бенни и Байрон, и брат не хочет даже смотреть на нее.

Адвокат говорит что-то о письме матери, но Бенни не может сосредоточиться, она не сводит глаз с Байрона. Раньше она не замечала седины в его волосах. Что ж, ему сорок пять, не десять лет. И за все эти годы старший брат ни разу не толкнул ее, не ударил, даже в детстве, когда она могла наброситься на него и укусить, как щенок.

Первое воспоминание Бенни о Байроне: они сидят на диване, брат обнял ее за плечи и читает ей книгу о приключениях. Он уже большой; его ноги касаются пола. Байрон на минуту умолкает, чтобы взъерошить Бенни волосы, потеревить ее за уши и за нос, и щекочет ее, пока она не начинает задыхаться от счастливого смеха.

Послание

Адвокат говорит, что мать оставила им сообщение. Адвоката зовут мистер Митч. Он разговаривает с Байроном и Бенни так, словно знает их всю жизнь, хотя Байрон припоминает, что раньше они встречались всего раз. Тогда мама попросила, чтобы он подвез ее: ей было трудно передвигаться по городу самостоятельно. Прошлой зимой с ней произошел несчастный случай, который, по уверению приятеля Байрона — Кабеля, таковым вовсе не являлся. Байрон проводил мать в кабинет мистера Митча, потом вернулся в машину, чтобы подождать ее. Он сидел в кабине, глядя, как по широкому темно-желтому тротуару между зданиями элитных се-

тевых магазинов гоняют на скейтбордах мальчишки. И тут в окно машины постучал полицейский.

Такого рода вещи происходили с Байроном во взрослой жизни настолько часто, что иногда он забывал нервничать. Но в большинстве случаев, когда к нему приближался полицейский или патруль останавливал его машину, он соскальзывал в пропасть между двумя ударами сердца, слыша, как по телу проносится кровь — этот поток, несущий с собой столетия истории и угрожающий смыть землю под ногами. А вслед за этим — его исследования, книги, выступления с докладами, стипендии, которые он намеревался учредить. Все это могло исчезнуть в долю секунды от глупого недоумения.

Только минутой позже, когда полицейский открыл багажник своего патрульного автомобиля и вернулся с экземпляром последней книги Байрона («Нельзя ли получить автограф?»), он сообразил: взрослый мужчина, наблюдающий из машины за мальчишками предподросткового возраста, катающимися по тротуару на скейтбордах, может вызвать обоснованное подозрение, какого бы цвета ни была его кожа. Ладно, он понимает: не всегда дело было в том, что он темнокожий. Хотя по большей части именно в этом.

— Позвольте предупредить вас, — говорит мистер Митч, — это касается вашей матери. Вы должны быть готовы.

Готовы?

К чему готовы? Их мать умерла.

Его мама.

Разве после этого что-то может иметь большое значение?

Б и Б

На столе стоит коробка с документами, отмеченная ярлыком «Имущество Элинор Беннетт». Мистер Митч достает оттуда конверт из коричневой бумаги, подписанный рукой их матери, и кладет его перед Байроном. Бенни пододвигает свой стул ближе к Байрону, наклоняясь вперед, чтобы рассмотреть конверт. Байрон убирает со стола руку, но не конверт. Пусть Бенни прочтет. Их мать адресовала послание: «Б и Б». Этим прозвищем она пользовалась, когда обращалась к обоим письменно или устно.

Записки для Б и Б обычно прикреплялись магнитиками к дверце холодильника. «Б и Б, на плите стоит рис с горошком». «Б и Б, надеюсь вы оставили у двери свою обувь с песком». «Б и Б, мне нравятся мои новые серьги, спасибо вам!»

Мама называла их Байроном или Бенни, только когда разговаривала с каждым по отдельности. А когда была чем-то огорчена, называла Бенни Бенедеттой.

«Бенедетта, что с твоим табелем успеваемости?»
«Бенедетта, не разговаривай с отцом в таком тоне». «Бенедетта, мне надо с тобой побеседовать».

«Бенедетта, пожалуйста, вернись домой».

Мистер Митч говорит, что мать оставила им письмо, но основной объем последнего послания содержится на аудиодиске, который она записывала более восьми часов на протяжении четырех дней.

— Приступайте, — кивая на конверт, говорит мистер Митч.

Байрон вскрывает конверт, вытряхивая на стол его содержимое — USB-накопитель и записку. Он вслух читает ее. Как это похоже на маму!

ЧЕРНЫЙ ТОРТ

«Б и Б, в морозилке для вас оставлен маленький черный торт. Не выбрасывайте его».

Черный торт. Байрон невольно улыбается. Каждый год мама и папа, чтобы отметить годовщину свадьбы, угощались, бывало, черным тортом. Они говорили, что это не настоящий свадебный торт. Мама пекла новый однослойный торт раз в пять лет или около того и хранила его в морозильной камере. При этом она утверждала, что черный торт, должным образом пропитанный ромом и портвейном, мог бы сохраниться на протяжении всего их брака.

«Я хочу, чтобы вы сели рядом и угостились тортом, когда придет время. Вы узнаете когда».

Бенни прикрывает рот ладонью.

«С любовью, мама».

Бенни плачет.

Бенни

Бенни не плакала много лет. По крайней мере до прошлой недели, когда ее уволили с дневной работы в Нью-Йорке. Сначала она подумала, что босс разозлился, заметив, как Бенни пролистывает смартфон во время телефонного разговора с заказчиком. По правилам подобные вещи запрещались, но ей пришла эсмэска от матери. Четыре слова, которые никак не шли у нее из головы.

По сути дела, это сообщение уже с месяц висело в голосовой почте, но в тот момент Бенни смотрела на свой мобильный, не зная, что делать. Она уже несколько лет не разговаривала с матерью. Бенни понимала, как это дурно с ее стороны. Но

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

хорошо ли поступает мать, отдалившись от дочери, которая сильно в ней нуждается?

Долгие годы Бенни было проще устраняться от общения: не отвечать на редкие послания из дома, неуклонно игнорировать каждый день рождения и отмечать все праздники вдали от семьи, убеждая себя в том, что это форма самосохранения. В моменты слабости она доставала цифровую фоторамку, хранящуюся под альбомами в ящичке письменного стола, и смотрела, как на экране одно за другим появляются улыбающиеся лица. Когда-то ей казалось, что они всегда будут рядом.

На одной из своих любимых фотографий Бенни снята вместе с Байроном и папой. Отец и сын держатся за руки, и оба в черных галстуках по случаю какого-то благотворительного мероприятия, или церемонии награждения, или встречи адвокатов, где ее отец часто выступал с кафедры. Даже Бенни находила, что сходство между всеми троими было поразительным, несмотря на то что с детства привыкла к этому факту. И по особому сиянию их глаз можно было заключить, кто фотографировал. Ее мама.

И вот теперь босс повысил на Бенни голос.

— Вы не выполняете свою работу! — отрезал он.

Бенни засунула телефон в карман кардигана.

— Ваша работа заключается в том, чтобы читать этот чертов текст, а не в том, чтобы по личной инициативе плодить социальные комментарии о долговечности бытовой электроники!

Ах это! Дело не в телефоне.

Пока Бенни соображала, к чему клонит босс, ее уволили.

ЧЕРНЫЙ ТОРТ

Бенни вышла из колл-центра с сухими глазами, захватив с рабочего места лишь замызганную кофейную кружку с выщербленными краями и растрепанное компактное растение. Бенни не могла припомнить его название, но оно никогда не подводило ее. Ему все было нипочем — недостаток влаги, флуоресцентные лампы, пропахший пластиком воздух офиса, ядовитый лексикон ее босса... Время от времени Бенни кончиками пальцев приподнимала крошечные стебельки растения и влажной тряпкой стирала с листьев пыль — вот и все, что ему требовалось.

Спустя добрую четверть часа до Бенни дошло, что она села не в тот автобус. Сойдя на следующей остановке, она очутилась перед старой кофейней, дверь которой была украшена гирляндами из искусственной сосны и бантами из синтетического бархата. Бенни даже не представляла, что подобные места еще сохранились в городе. При виде нанесенной на витрину имитации морозного узора, образующей надпись «С праздником», думая, что еще один год пройдет без собственной кофейни (хотя она была бы не такой китчевой), разглядывая в окне молодого отца, наклонившегося, чтобы застегнуть на ребенке сиреневый пуховик и заправить его темные волосы под капюшон, отороченный сиреневым мехом, Бенни расплакалась. Она никогда не любила сиреневый цвет.

Запись

Мистер Митч берет флешку с записью Элинор Беннет и вставляет в настольный компьютер. Услышав голос матери, дети Элинор наклоняются впе-

ред. Мистер Митч старается выглядеть невозмутимо, дышит глубоко и размеренно. Это не личный вопрос, а профессиональный. Для членов семьи важно, чтобы их поверенный сохранял спокойствие.

«Б и Б, это записал для меня мистер Митч. У меня уже не такая твердая рука, а мне надо многое вам сказать. Я хотела поговорить с вами лично, но в данный момент не уверена, что смогу снова увидеть вас обоих вместе».

Бенни и Байрон ерзают на стульях.

«Вы упрямые дети, но вы у меня хорошие».

Мистер Митч уперся взглядом в лежащий на столе блокнот, но все же чувствует, как атмосфера в комнате накаляется. Спины напряжены, плечи развернуты.

«Б и Б, обещайте, что постараетесь поладить. Нельзя допустить, чтобы вы потеряли друг друга».

Бенни поднимается. *Приехали.* Мистер Митч ставит запись на паузу.

— Мне не обязательно это слушать, — говорит Бенни.

Мистер Митч кивает. Минуту пережидает.

— Этого хотела ваша мать, — произносит он.

— Не могли бы вы сделать для меня копию этой записи? — спрашивает Бенни. — Будьте так добры. Я заберу копию с собой в Нью-Йорк.

— Ваша мать категорически настаивала на том, чтобы вы вместе прослушали всю запись в моем присутствии. Но знаете, нам необязательно оставаться в офисе. Если хотите, можем на этом прерваться, и я позже привезу запись в дом вашей матери. Согласны?

— Нет, — отвечает Байрон. — Я хочу услышать это сейчас.

ЧЕРНЫЙ ТОРТ

Бенни бросает на Байрона сердитый взгляд, но он не смотрит на нее.

— Ваша мать была необычным человеком, — говорит мистер Митч. — Нам необходимо прослушать это вместе, так что я буду рад продолжить, как только вы будете готовы. — Он открывает свое расписание. — Я мог бы приехать к вам домой сегодня вечером или завтра утром.

— Не понимаю, какое значение это теперь имеет для мамы, — произносит Бенни.

Продолжая стоять, она строго взирает сверху вниз на мистера Митча, но на слове «мама» чуть запинаясь, и ее голос звучит надтреснуто.

— Полагаю, это имеет значение для вас и вашего брата, — замечает мистер Митч. — Есть вещи, о которых, по мнению вашей матери, вы должны услышать немедленно, о которых вам надлежит знать.

Бенни опускает голову, потом с шумом выдыхает.

— Лучше сегодня вечером, — говорит она. — Я уеду из города сразу после похорон.

Бенни вновь бросает взгляд на Байрона, но тот упорно смотрит в стол. Не попрощавшись, она идет к двери, и в такт шагам колышется копна ее светлых курчавых волос. Открыв дверь приемной, Бенни выходит в полутемный коридор.

Мистер Митч слышит из конца коридора слабое позвякивание лифта, и Байрон поднимается со стула.

— Что ж, думаю, мы увидимся позже, — говорит Байрон. — Благодарю вас.

Мистер Митч встает и пожимает ему руку. Звонит телефон Байрона, и на пороге он подносит те-